

На правах рукописи

Ковба Дарья Михайловна

**«Мягкая сила» как политическая стратегия государств
Восточноазиатского региона**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
политических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук в отделе философии.

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор
Русакова Ольга Фредовна

Официальные оппоненты: **Пономарева Елена Георгиевна,**
доктор политических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский
государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации», профессор
кафедры сравнительной политологии

Наумов Александр Олегович,
кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»,
доцент кафедры международных
организаций и проблем глобального
управления

Ведущая организация: Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится «13» сентября 2017 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.18 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 248 (зал заседаний диссертационных советов).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=270279>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Керимов Александр Алиевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Изменения, произошедшие в мире в конце XX – начале XXI веков, стимулировали поиск новых теорий, способных объяснить действительность, привели к необходимости переосмысления понятия власти, властных ресурсов и разработке современных технологий, применение которых позволяет акторам успешно участвовать в геополитической конкуренции. Ответом на эти изменения стал концепт «мягкой силы», возникший в 1990 г. в США в рамках неолиберальной теории международных отношений. В настоящее время можно говорить о том, что концепт прочно вошел в политический и политологический дискурсы.

В научной литературе при анализе исторической динамики соотношения ресурсов власти принято подчеркивать такой тренд, как увеличение значения «мягкой силы», подразумевающей отсутствие материализованного насилия, давления, и уменьшение важности военного принуждения. Вряд ли регулярные войска двух государств встретятся лицом к лицу, однако утверждать, что военные действия ушли в прошлое, нельзя: они остались, но приняли односторонний ассиметричный характер, который отражает термин «война против терроризма», а также основанные на технологическом преимуществе действия США, использующие силу независимо от решений ООН. Кроме того, если применение военной силы требует морального оправдания для обеспечения народной поддержки в демократических государствах, то во многих недемократических государствах оправдание насилия не требуется. Увеличению роли «мягкой силы» способствовали сдерживающие роли ядерного оружия и экономической взаимозависимости, увеличение количества негосударственных акторов в области международных отношений и развитие сетей, а также революция в области информационно-коммуникационных технологий.

Последний фактор играет особую роль: с одной стороны, новые технологии, высокая скорость передачи информации уменьшили возможность сокрытия

событий, стали причиной появления более информированной активной глобальной общественности, с другой же, они значительно расширили способности международных акторов влиять на общественность. С этой точки зрения, «мягкую силу» стали воспринимать как соблазнительную технологию, незаметную для рядовых граждан, предоставляющую изощренную возможность для манипулирования массовым сознанием и управления общественным мнением.

В настоящее время концепт «мягкая сила» является достаточно популярным в научных кругах разных стран, ведется активная работа по его теоретической и практической адаптации, однако еще не сложилось единство как в определении термина, так и в выделении его основных характеристик. Представляет большой интерес то, как государства, относящиеся к Восточноазиатскому региону (Япония, Китай и Южная Корея) интерпретируют теорию «мягкой силы», являющуюся американской по своим истокам. Особенно интересен случай Китая, так как усиление экономики данной страны и возрастающая роль в мировой политике заставляют с особенно пристальным вниманием следить, какие технологии, относимые китайскими экспертами к сфере «мягкой силы», использует данная страна.

Степень научной разработанности проблемы. При анализе концепта «мягкой силы» был использован значительный массив работ отечественных и зарубежных исследователей.

Рассматриваемая теория была создана и в последующем доработана Дж. Наем, поэтому именно его труды послужили отправной точкой для данного исследования. Как будет доказано в основной части диссертации, с теоретической точки зрения, концепт «мягкой силы» не является чем-то новым, поэтому мы обратились к работам, посвященным вопросам власти, влияния, властных технологий, которые можно отнести к предшествующим или конкурирующим теориям. Это исследования А. Грамши, Р. Даля, С. Стрэндж, Ж. Бодрийяра, Ж. Липовецки, Х. Моргантау, С. Льюкса. Следует отметить, что исследуемый

концепт часто подвергался критике, благодаря которой Дж. Най сумел развить и доработать теорию. Критично настроенными были Фергюссон, Альтюссер, Уомакк, К.С. Грей, П. Бильгин, Б. Элис, Е. Лок.

Наряду с критикой, в литературе присутствует множество попыток дальнейшей проработки концепта или его переосмысления. Интерес для настоящего исследования представляют работы Г. Галаротти, М. Клэр, М. Куналакиса, Р. Сингх. Кроме того, необходимо выделить исследователей, чьи работы посвящены изучению отдельных аспектов «мягкой силы»: И. Кацуджи (акторы «мягкой силы»), Х. Ким (культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы»), М. Фрейзер (популярная культура как инструмент «мягкой силы»), Ф.Г. Альтбах и П. МакГилл Питерсон (роль высшего образования среди технологий «мягкого влияния»).

Термин «мягкая сила» приняли на вооружение и отечественные исследователи, а его активному использованию в средствах массовой информации способствовало его упоминание высокопоставленными должностными лицами РФ (например, статья В.В. Путина «Россия и меняющийся мир», газета «Московские новости», 27.02.12). Технологическое понимание «мягкой силы» российскими политиками нашло свое отражение в Концепции внешней политики РФ.

В настоящее время в России уже сформировался круг авторов, которые сделали концепт «мягкой силы» предметом своих исследований. К их числу относятся Д.Б. Казаринова, В.М. Капицын, Е.Г. Пономарева, О.Ф. Русакова, Г.Ю. Филимонов, А. Казанцев, В.Н. Меркушев, И. Радиков, Я. Лексютина и другие. На сегодняшний день в МГИМО МИД России и в Институте философии и права УрО РАН (Екатеринбург) складываются научные центры исследования «soft power». В 2015 г. в Институте философии и права УрО РАН была выпущена монография «Soft power: теория, ресурсы, дискурс». Отдельно можно отметить исследование М.М. Лебедевой, в котором впервые рассматриваются негативные последствия обладания потенциалом «мягкой силы». Большой интерес также

представляют работы П. Паршина, в которых автор дает оригинальное определение «мягкой силы», отличное от принятого в отечественном академическом сообществе. Также стоит отметить исследования, посвященные отдельным инструментам и технологиям «мягкой силы» (например, А.В. Торкунов рассматривает вопрос использования потенциала привлекательности образования в качестве инструмента «мягкой силы»), а также работы, в которых изучается «мягкая сила» конкретных государств (так, А.О. Наумов исследует природу, особенности, институты и ресурсы «мягкой силы» Японии, России и стран ИБСА). Кроме того, интерес вызывают работы О.В. Столетова, который, отталкиваясь от стратегий «мягкой», «жесткой» и «умной» сил, постулирует необходимость обратиться к «разумной силе» («intelligent power») как интегративной по отношению к трем предшествующим стратегиям и наилучшим образом отвечающей запросам современной мировой политики.

При исследовании индексов и рейтингов «мягкой силы» полезными оказались данные опросов общественного мнения: «Мягкая сила в Азии», «Имидж Японии», рейтинги «Новые средства убеждения» (создатели – журнал «Монокль» совместно с британской независимой организацией «Институт правительства»), которые выходили в 2010, 2011, 2012 гг., а также «Исследование «мягкой силы» 2013» (журнал «Монокль») и индексы быстро развивающихся рынков Сколково.

Анализируя концептуальные модели и технологии «мягкой силы» стран Азии, мы обратились к работам, посвященным изучению данных вопросов учеными следующих стран: Китай (С. Сао-Чэн, Л. Минцзян, С. Хуан, Х. Лай, И. Лу и др.) Южная Корея (Р. Ким, Чжин Ли, Ма Янг Сэм и др.), Япония (М. Норрис, У. Виас, Д. МакГрей и др.). Полезными для исследования оказались отчеты, опубликованные организациями «Японский фонд», «Фонд Кореи» и Институт Конфуция.

С 2007 по 2016 гг. в России был защищен ряд диссертаций по политическим наукам, посвященных проблематике «мягкой силы». Отметим, что в двух работах из них анализируются различные аспекты «мягкой силы» США, в других исследуется роль «мягкой силы» в российско-бразильских отношениях, политике России, Монголии, Турции, Германии и другие вопросы. Стоит выделить диссертацию Е.П. Пановой, которая рассматривает СМИ как инструмент, при помощи которого формируется «мягкая сила» государства.

Анализ материала показывает, что проблематика «мягкой силы» исследуется достаточно интенсивно и на сегодняшний день существует довольно большой массив работ, посвященных различным аспектам интересующего нас предмета; однако, во-первых, налицо проблема несистематизированности знаний относительно содержания и особенностей концепта «мягкой силы» как стратегии, технологии и ресурса власти, во-вторых, до сих пор не сложилось единства в определении места «мягкой силы» среди множества властных инструментов; в-третьих, несмотря на наличие работ, которые тем или иным образом затрагивают вопросы ресурсов и технологий «мягкой силы» различных государств, практически отсутствует литература, в которой бы проводился комплексный и сравнительный анализ государственных моделей по данным позициям.

Объект исследования – «мягкая сила» как политическая стратегия.

Предмет исследования – особенности стратегий, технологий и ресурсов «мягкой силы» государств Восточноазиатского региона.

Целью данной работы является осуществление комплексного анализа политических стратегий «мягкой силы» государств Восточной Азии (Китая, Японии и Южной Кореи).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующего комплекса ***исследовательских задач***:

- во-первых, теоретико-методологических задач, направленных на
- раскрытие генезиса понятия «мягкой силы» и оригинального содержания данной теории;

- формулировку определения «мягкой силы», выявление ее основных характеристик, целей и условий ее эффективного использования, а также анализ степени и особенностей принятия концепта академическим сообществом;
- выявление основных подходов к исследованию феномена «мягкой силы», формулировку структуры исследования «мягкой силы» государства;
- анализ особенностей «мягкой силы» как властной технологии;
- во-вторых, исследовательских задач, обращенных на
- раскрытие особенностей дискурса «мягкой силы» восточноазиатских государств (Китая, Японии и Южной Кореи);
- рассмотрение культурных ресурсов и стратегий «мягкой силы» исследуемых государств; сравнение систем общественной дипломатии и институтов, занимающихся продвижением «мягкой силы» в Китае, Японии и Южной Корее;
- рассмотрение политических ресурсов и инициатив «мягкой силы» восточноазиатских государств;
- выявление потенциала «мягкой силы» исследуемых государств, ограничений использования «мягких» технологий, проведение анализа регионального восприятия Китая, Японии и Южной Кореи, а также формулировку их национальных моделей «мягкой силы».

Методология и методы исследования. Основу данного исследования составил комплекс методов, подходов и теорий, позволивший построить многоуровневую систему анализа теории и стратегий «мягкой силы».

При написании диссертации были использованы следующие общенаучные методы: метод сравнения, анализ и синтез, исторический и генетический методы. Метод сравнения был применен при исследовании сходства и различия стратегических технологий «мягкой силы» государств. Анализ позволил выделить отдельные компоненты «мягкой силы» и охарактеризовать их, а синтез полученных данных сделал возможным обобщение различных подходов к концепту «мягкой силы» и осуществлению «мягких» технологий на практике.

Исторический и генетический методы оказались полезны при исследовании происхождения и развития концепта «мягкой силы».

В диссертационной работе применялись такие методологические подходы к исследованию «мягкой силы», как дискурсный, структурно-функциональный, институциональный и измерительно-инструментальный.

Дискурсный подход позволил сконцентрировать внимание на репрезентативных (построение привлекательности), ценностно-ориентированных стратегиях «мягкой силы».

Благодаря применению структурно-функционального подхода «мягкая сила» была представлена в качестве целостной системы, в которой описаны ее основные инструменты и их функции. Данный подход также позволил применить идею спектра к феномену «мягкой силы».

Институциональный подход был использован для выделения основных институтов, задействованных при разработке и осуществлении стратегий «мягкой силы», и определения их роли в данной деятельности.

Измерительно-инструментальный подход позволил обратиться к проблеме измерения «мягкой силы», выделить показатели, на основе которых можно измерить «мягкий» потенциал государств.

Важным теоретико-методологическим основанием для анализа категории власти стали работы Р. Даля, С. Стрэндж, Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё. Большое влияние на исследование оказала работа С. Льюкса, в которой критически рассматриваются различные подходы к изучению власти и предлагается авторский трехмерный взгляд на ее природу.

Для изучения существующих в литературе трактовок понятия «мягкая сила» были использованы методологические разработки таких авторов, как П.Б. Паршин, О.Ф. Русакова, С.К. Песцов, А.М. Бобыло, У. Виас и др.

При анализе технологических аспектов «мягкой силы» автором были взяты на вооружение исследовательские подходы и теории, получившие глубокое

научное освещение в трудах Е.Г. Пономаревой, Е.П. Пановой, И.Я. Якоба, М.В. Харкевича и др.

Эмпирическая база исследования включает статистические и аналитические документы правительственных структур и независимых исследовательских организаций.

Статистическую базу исследования составили документы таких организаций, как Чикагский совет, Национальное бюро азиатских исследований, данные ОПР (Официальная помощь в целях развития), Центр культурного и технического обмена между Востоком и Западом (EWC), Институт Восточной Азии (EAI), Институт исследований Восточной Азии (IEAS), Исследовательская служба Конгресса (CRS), а также результаты опросов общественного мнения министерства иностранных дел Японии.

Кроме того, были использованы ежегодные доклады Корейского Фонда, Института Конфуция и Японского Фонда. В исследовании использовались материалы исследований рейтингов и индексов «мягкой силы» журнала «Монокль», Института Правительства (The Institute for Government), московской школы управления «Сколково» и консалтингового агентства «Портленд».

Научная новизна диссертации определяется приращением научного знания о сущности, формах и стратегиях «мягкой силы».

В исследовании на основе авторского подхода получены следующие научные результаты:

– проведен теоретический анализ генезиса концепта «мягкой силы», впервые рассмотрены особенности развития теории и основные методологические повороты в изучении концепта; выявлена корреляция исследуемого предмета и теории трехмерной власти С. Льюкса;

– предложено авторское определение «мягкой силы», учитывающее ее проявления, выделены цели ее использования, характеристики, а также масштаб «мягкого» потенциала;

- выявлен нормативный характер концепта, вопреки утверждению Дж. Ная о его ценностной нейтральности;
- систематизированы подходы исследования концепта «мягкой силы», сформирован алгоритм исследования «мягкой силы» государств;
- предложен ряд действий, который, при учете определенных в исследовании факторов, способен составить стратегическую технологию «мягкой силы»;
- выделены особенности дискурса «мягкой силы» государств региона Восточная Азия (Китай, Япония, Южная Корея);
- определены культурные ресурсы и стратегии «мягкой силы», проведен сравнительный анализ институтов-проводников культурной «мягкой силы», оценена роль основных факторов при увеличении «мягкого» потенциала государства;
- выявлены ключевые особенности политической «мягкой силы» исследуемых государств, доказано значение учета регионального восприятия государств для повышения эффективности стратегий «мягкой силы»;
- на основе комплексного анализа дискурса и стратегий «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи сформулировано авторское определение моделей «мягкой силы», определены негативные факторы влияния на стратегии развития «мягкой силы».

Положения, выносимые на защиту:

1. «Мягкая сила» государства – способ осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной среды для политических действий и включающий три измерения: 1) привлечение, ведущее к согласию или подражанию; 2) способность устанавливать легитимную повестку дня, а также набор выгодных правил и институтов; 3) формирование предпочтений населения. Масштаб «мягкой силы» изменяется от локального до глобального, причем для обладания «мягкой силой» глобального масштаба необходимы все три измерения, а также потенциал «жесткой силы».

2. Основные подходы к изучению концепта «мягкой силы»: структурный, процессно-ориентированный, измерительный и технологический. В рамках технологического подхода «мягкая сила» выступает стратегической технологией с определенными политическими и экономическими целями, целевой аудиторией, заданной длительностью и масштабом воздействия, конкретными субъектами и планом по каждому из направлений: 1) увеличению привлекательности; 2) структурированию международной среды; 3) налаживанию отношений; 4) влиянию на целевую аудиторию.

3. Алгоритм изучения «мягкой силы» государства включает в себя анализ следующих позиций:

- истории изучения «мягкой силы» и глубины адаптации концепта;
- особенностей академического дискурса, наличия национальных научных центров изучения «мягкой силы»;
- исследования «мягкой силы» как результата взаимодействий (пассивный потенциал, то есть исследование источников привлекательности, вес государства в международных организациях, степень распространенности и поддержки его идей, идеологии);
- исследования «мягкой силы» как деятельности (используемые инструменты и технологии; отражение стратегии «мягкой силы» в официальных документах; цели политики «мягкой силы»; основные акторы «мягкой силы»);
- ограничений и преград на пути наращивания «мягкой силы»;
- оценки общего потенциала «мягкой силы», а также ситуативного восприятия «мягкой силы» (учет целевой аудитории).

4. Основная цель создания и популяризации теории «мягкой силы» – поддержание доминирующего положения США на мировой арене. Однако, несмотря на нормативность изучаемого концепта, исследование «мягкой силы» восточноазиатских государств (Китая, Японии, Южной Кореи) показывает, что возможна рецепция концепта, его адаптация под условия, традиции, цели и задачи стран различных регионов мира. При этом происходит частичное изменение

содержания американской по духу теории в совокупности с внедрением практического инструментария «мягкой силы».

5. Большинство азиатских исследований, посвященных проблематике «мягкой силы», значительную роль отводят культурным источникам и инструментам «мягкой силы», та же ситуация наблюдается и на государственном уровне. В то же время, культура – лишь потенциальный источник «мягкой силы», который требует долгосрочного воздействия и неэффективен при наличии исторических обид или трений. Согласно объективным оценкам, экономический потенциал государства имеет не меньшее значение для масштаба «мягкой силы», чем культурный, чему не уделяется достаточного внимания в работах Дж. Ная.

6. В Китае, Японии и Южной Корее практическая реализация политики «мягкой силы» схожа. Основное внимание уделяется развитию общественной дипломатии, но присутствуют и национальные особенности: ресурсный акцент и активное использование СМИ в Китае, научно-технологическая и императорская дипломатия в Японии, субсидирование производства культурных продуктов в Южной Корее. В институциональном плане неэффективными оказываются как чрезмерная централизация институтов, вовлеченных в производство «мягкой силы», вызывающая снижение доверия, так и сильная децентрализация, порождающая снижение результативности.

7. При разработке стратегий «мягкой силы» важно учитывать ее ситуативность, то есть различную интерпретацию сообщений и действий аудиторией. Примером этого является разнородное восприятие Китая в различных регионах мира.

8. Негативными факторами влияния на потенциал «мягкой силы» являются следующие: 1) факторы, уменьшающие привлекательность в глазах конкретной аудитории; 2) ограниченное количество ресурсов, влияющее на масштаб «мягкой силы» (Япония и Южная Корея обладают меньшим объемом ресурсов, по сравнению с Китаем); 3) проблемы руководства, непоследовательность курса, исторические трения.

9. Модель «мягкой силы» Китая является равновесной (наращивание «мягкой силы», соответствующей его огромному потенциалу «жесткой силы»), японская модель является компенсаторной (увеличение «мягкой силы» должно продемонстрировать миру, что Япония до сих пор является сильным государством), модель «мягкой силы» Южной Кореи является балансирующей (страна балансирует между сильными игроками региона, улучшает внешнюю безопасность).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты позволяют сформулировать целостный подход к оценке феномена «мягкой силы», выявляют элементы стратегической технологии «мягкой силы», создаваемые и применяемые государствами, способствуют достижению понимания современных тенденций в системе международных отношений, связанных с появлением новых акторов и способов влияния на среду.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы данного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по политологии, международным отношениям и мировой политике. Они могут быть полезны при подготовке аналитических работ, учебных пособий и специальных курсов. Полученные результаты предлагается использовать в качестве отправных для проведения дальнейших исследований в русле данной проблематики.

Степень достоверности результатов научной работы подтверждается использованием трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых по теме диссертационного исследования, статистических и аналитических документов. Обоснованность полученных результатов опирается на применение совокупности методов, адекватных цели, задачам и логике диссертационной работы, подтверждается качественным анализом исходных данных и представлением основных исследовательских результатов в докладах на научных конференциях и в профессиональной печати.

Апробация диссертационной работы. Основные положения исследования сформулированы в 14 научных публикациях, в том числе в статьях,

опубликованных в ведущих рецензируемых изданиях, определенных ВАК. Часть материалов вошла в состав коллективной монографии «Soft power: теория, ресурсы, дискурс».

Отдельные положения и выводы исследования были представлены автором на всероссийских и международных конференциях и научных школах: Международная научная конференция «Картины мира: концептуальный и ценностно-смысловой строй» (V-е Лойфмановские чтения, 17–19 декабря 2012 г., г. Екатеринбург), XVI Международная научно-практическая конференция «Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом» (15–16 апреля 2013 г., г. Екатеринбург), III Междисциплинарная молодежная научная конференция «Информационная школа молодого ученого» (26–30 августа 2013 г., г. Екатеринбург), Всероссийская конференция с международным участием «Россия и Восток: культурные связи в прошлом, настоящем, будущем» (IX Колосницынские чтения, 16–17 апреля 2014 г., г. Екатеринбург), Международная конференция «Soft power: теории, ресурсы, дискурс» (15 октября 2014 г., г. Екатеринбург), XVIII Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л.Н. Когана (19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург), VII Российский философский конгресс «Философия. Толерантность. Глобализация: Восток и Запад – диалог мировоззрений» (6–10 октября 2015 г., г. Уфа), Всероссийская научная конференция (с международным участием) молодых ученых «Культурная память и культурная идентичность» (25 марта 2016 г., г. Екатеринбург), Десятая международная научно-практическая конференция «Китай: история и современность» (3–5 октября 2016 г., г. Екатеринбург). Материалы исследования использовались в разработке и преподавании учебного курса «Soft power в современных коммуникациях» для иностранных студентов-магистрантов кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института управления и предпринимательства УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина.

Структура исследования определяется целью работы и ее исследовательскими задачами. Диссертация состоит из введения, 2 глав, включающих 8 параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 173 позиции (в том числе 100 на иностранных языках) и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень ее разработанности в зарубежной и отечественной научной литературе, определяются объект, предмет, цель и задачи, методология и методы исследования, эмпирическая база, формулируются основные составляющие научной новизны диссертации и положения, выносимые на защиту, определяются теоретическая и практическая значимость работы и уровень ее апробации.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения «мягкой силы» посвящена определению генезиса, теоретических оснований и места концепта в теории международных отношений, а также выделению основных подходов к исследованию «мягкой силы».

В первом параграфе «Теоретические основания изучения «мягкой силы»: генезис и концептосфера» дается обзор теорий и идей, находящихся в одном дискурсивном поле с исследуемым концептом, раскрываются причины генезиса, анализируются особенности развития и трансформации теории «мягкой силы» в работах Дж. Ная.

Автор останавливается на изучении концептосферы «мягкой силы», то есть круга понятий и теорий власти, близких по тому или иному показателю к изучаемому концепту. Он обращается к теории совокупной государственной силы Р.С. Клайна¹, учению А. Грамши² о культурно-идеологической гегемонии и молекулярной агрессии в «культурное ядро», исследованиям структур в качестве

¹ Cline R.S. World power assessment 1977: a calculus of strategic drift. Westview Press, 1977. 173 p.

² Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

нового типа властных ресурсов С. Стрэндж³ и С. Гуццини⁴, постмодернистским концепциям Ж. Бодрийяра и Ж. Липовецки⁵, теории символической власти П. Бурдьё⁶ и концепции «трех лиц власти» С. Льюкса⁷. Приводятся исторические примеры практик, относящихся к «мягким». Утверждается, что хотя до появления концепта «мягкой силы» существовало множество сходных идей и практик, рассматриваемая теория оказалась востребованной, так как ее автор, переводя «мягкую власть» из области философии в область политики, с национального уровня на уровень международных отношений и действуя в духе американского практицизма, показал возможности применения «мягкой силы» как инструмента для увеличения влияния на мировой арене. Повышению привлекательности концепта с точки зрения практики политики способствовали революционные технические достижения: благодаря использованию современных технологий появилась возможность комплексного воздействия, а в пространственном отношении – практически неограниченного влияния на массовое сознание.

Проводится анализ становления концепта, отслеживаются основные теоретические повороты в его трактовке. Доказывается, что концепт был создан исключительно в интересах США и развивался в соответствии с изменениями внешнеполитических задач данной страны. Устанавливается, что даже в ранних работах⁸ концепт включал в себя структурный аспект, однако большинство современных авторов, пишущих о «мягкой силе», сосредотачиваются на привлекательности. С 2004 г. в определении ресурсов исследуемого понятия идеологическая привлекательность была заменена на нейтральную характеристику «привлекательность политических ценностей»⁹. К 2011 г.

³ Strange S. States and markets. A&C Black, 1998. 280 p.

⁴ Guzzini S. Structural power: The limits of neorealist power analysis // International Organization. – 1993. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 443–478.

⁵ Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. С. 215.

⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

⁷ Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 240 с.

⁸ Nye J. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171; Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 336 p.

⁹ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. 191 p.

разрозненные инструменты «мягкой силы» было предложено объединить во всеобъемлющую стратегическую технологию¹⁰.

Автор диссертационного исследования прослеживает связь между теориями «мягкой силы» и «третьим лицом власти» С. Льюкса. Обнаруживается, что в последних работах Дж. Най теория «мягкой силы» становится по-настоящему трехмерной (в терминологии С. Льюкса). Она начинает включать в себя привлечение и убеждение (т.е. первое лицо власти; оно так или иначе содержит в себе элемент манипулирования), способность устанавливать легитимную повестку дня и набор выгодных правил и институтов (второе лицо власти), а также формирование изначальных предпочтений (третье лицо власти). Отмечается, что различия, описываемые создателями данных концептов, проистекают из-за различий в изначальных установках: Дж. Най находится в рамках теории неолиберализма, тогда как С. Льюкс пытается исследовать причины подчинения групп в условиях неолиберальной гегемонии.

Во втором параграфе «Категоризация и анализ понятия «мягкой силы» проводится анализ места «мягкой силы» в «системе координат» международных отношений, изучаются критические замечания в адрес концепта, осуществляется его теоретическая интерпретация: дается авторское определение «мягкой силы» и формулируются его основные характеристики.

Анализ материала, посвященного теоретическому осмыслению концепта, показывает, что существует несколько подходов при определении принадлежности «мягкой силы» к научным течениям. Сторонники первого подхода¹¹ считают, что концепт принадлежит к неолиберальной теории, которая либо удачно дополняет учение реалистов (позиция неолиберальных

¹⁰ Nye J. The war on soft power // Foreign policy. 2011. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/04/12/the-war-on-soft-power/> (дата обращения: 03.01.2015).

¹¹ См. напр. Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008. P. 5-20. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://pbilgin.bilkent.edu.tr/Bilgin-Elis-IT-2008.pdf> (дата обращения: 03.02.2015); Purushothaman U. Shifting perceptions of power: soft power and India's foreign policy // Academia.edu. 2010. URL: https://www.academia.edu/1559443/Shifting_Perceptions_of_Power_Soft_Power_and_Indias_Foreign_Policy (дата обращения: 07.08.2014); Ferguson N. An empire in denial: the limits of US imperialism // Harvard International Review. – 2003. – 25(3). – P. 64–70.

исследователей), либо имеет слишком много недостатков и неудобна при практическом применении (позиция реалистов). Приверженцами второго подхода являются автор концепта и его сторонники¹². Они полагают, что теорию «мягкой силы» бессмысленно причислять к какой-либо школе, так как это просто одна из разновидностей силы, способ добиться желаемых результатов. Автор диссертационной работы старается следовать взвешенному подходу, при котором концепт считается близким к либеральной традиции, особенно, учитывая его нормативную составляющую, хотя изредка отклоняется от нее. Это ярко проявляется в поздних работах Дж. Ная, где произошел учет критики реалистов, а акцент в изучении сместился на поиск баланса «жесткой» и «мягкой сил».

Автор выделяет четыре позиции, сложившиеся в научной литературе по отношению к теории Дж. Ная:

1) принятие концепта и проведение на его основе анализа потенциала «мягкой силы» государств мира;

2) скорее, положительная оценка концепта, его многосторонний анализ, исследование с точки зрения различных подходов, попытки сделать его менее описательным и более академическим;

3) скорее, положительная оценка концепта, сочетающаяся со стремлением сделать его менее американским по духу и, оставив базис теории и ее инструментальную часть, применять ее, ориентируясь на нужды и возможности конкретных государств;

4) критика концепта «мягкой силы»; на этой позиции стоят не только ученые-реалисты, но и исследователи, воспринимающие «мягкую силу» как технологию поддержания господства глобального уровня под руководством США.

Авторское определение «мягкой силы», учитывающее определенные в первом параграфе три проявления власти, формулируется следующим образом:

¹² См. напр. Nye J. Notes for a soft-power research agenda // Power in World Politics. – 2007. – P.170.

Soft power – это способ осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной среды для политических действий и включающий в себя три измерения: 1) привлечение, ведущее к согласию или подражанию; 2) способность устанавливать легитимную повестку дня, а также набор выгодных правил и институтов; 3) формирование предпочтений населения.

Цели политики «мягкой силы» могут быть различные:

- политические цели: внешняя безопасность, мобилизация поддержки государств по различным вопросам, формирование коалиций и другие цели вплоть до создания условий для проведения цветных революций;
- экономические цели: расширение рынков экспорта товаров, получение доступа к ресурсам, привлечение инвесторов, высококвалифицированных специалистов, туристов и прочие;
- внутренние цели (в том случае, если в конкретном государстве сложилась практика, подразумевающая возможность использования политики «мягкой силы» не только на международном уровне, но и внутри государства): увеличение поддержки правительства и лидера, поддержание единства.

Выделены основные характеристики «мягкой силы»:

- 1) долгосрочность: для эффективного использования «мягкой силы» необходимыми условиями являются преобладание политики и стратегическое мышление; долгосрочность, наряду с косвенным характером, создает неудобства для применения «мягких» стратегий на практике;
- 2) ситуативность применения, необходимость анализа и учета особенностей целевой аудитории;
- 3) частичная неподконтрольность правительству;
- 4) необходимость серьезной материальной базы для «нематериальных» ресурсов «мягкой силы»;
- 5) двойственный характер: «мягкая сила» одновременно является результатом взаимодействий и процессом, деятельностью, направленной на

достижение таких результатов (именно здесь рассматриваются различные инструменты и технологии «мягкой силы»).

Предполагаемыми условиями наличия «мягкой силы» у государства являются последовательность действий, непротиворечивость декларируемого и того, что есть на практике; привлекательность в глазах целевой аудитории; наличие значительной ресурсной базы, легитимность проводимой политики, лидерство в международных институтах. Кроме того, сюда же можно отнести эффективную модель развития (достойную того, чтобы ее хотелось перенять) и некоторые другие пункты (как правило, они с избытком представлены в исследованиях и рейтингах, подходящих к «мягкой силе» с измерительно-инструментальной точки зрения).

Предложено ранжировать масштаб «мягкой силы» от локального до глобального, причем для обладания «мягкой силой» глобального масштаба необходимы все три ее измерения (привлечение, способность установления легитимной повестки дня, правил и институтов, формирование предпочтений), а также соответствующий потенциал «жесткой силы».

Третий параграф «Структурный, процессно-ориентированный и измерительный подходы в исследованиях «мягкой силы» посвящен рассмотрению основных подходов к изучению «мягкой силы». Выделение подходов способствует преодолению несистематизированности и категориально-смысловой размытости исследуемого предмета.

В рамках *структурного подхода* основное внимание уделяется отдельным компонентам, из которых складывается целостная система «мягкой силы», выделяются основные агенты, ресурсы, институты и другие составляющие. Основным, но не единственным, ключевым игроком, обладающим «мягкой силой», признается государство.

Отмечается, что агенты «мягкой силы», с одной стороны, могут сами создавать привлекательность, формировать повестку дня и влиять на формирование предпочтений, а с другой, их «мягкая сила» может вносить вклад в

общий потенциал силы определенного государства (в том случае, если этот агент ассоциируется с данным государством и его интересы и идеи не вступают в конфликт с интересами государства).

Возможными инструментами «мягкой силы» признаются коммуникация, в том числе, информационные технологии и особенно Интернет, НПО, дипломатические представительства, культурные, научные и образовательные центры, крупномасштабные мероприятия, такие как Олимпийские игры¹³ и другие.

В рамках данного подхода принято выделять не только структурные компоненты «мягкой силы», но и ее отдельные виды (например, экономическую, гуманитарную, культурную, политическую, дипломатическую разновидности «мягкой силы»¹⁴).

Процессно-ориентированный подход работает с проблемой операционализации концепта. Акцент исследования смещается от исследования компонентов «мягкой силы» к вопросу их функционирования, сосредотачивается на динамических отношениях, передаче ценностей и идей.

Цепочка воздействия «мягкой силы» включает в себя ресурсы, механизм конвертации (технические средства и технологии), активы, инструменты приобретения привлекательности, промежуточные эффекты, основными индикаторами которых выступают «репутация» и «осведомленность», механизм селекции как совокупность рациональных и эмоциональных процедур и инструментов отбора внешних воздействий и конечный результат¹⁵.

Практическое применение данного подхода предложено У. Виасом, который разработал детальную теорию и протестировал ее в контексте китайско-японских отношений¹⁶. Он описал некоторые механизмы, с помощью которых оказывается влияние различными агентами на разных уровнях (государственных,

¹³ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – №2 – С. 19–26.

¹⁴ Русакова О.Ф. Мягкая сила стран Азии // *Дискурс Пи*. – 2013. – № 11–12. – С. 34.

¹⁵ Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // *Вестник Томского государственного университета. История*. – 2015. – № 2 (34). – С. 111.

¹⁶ Vyas U. *Soft power in Japan-China relations: state, sub-state and non-state relations*. Routledge, 2011. P. 6.

муниципальных, коммерческих, уровне частных лиц) с акцентом на передаче идей и информации. Все эти агенты образуют сеть связей, которая в результате определенного набора действий приводит к структурным изменениям в принимающей стране. К сожалению, идея «мягкой силы» частично теряется в «сетевом» подходе.

Измерительный подход предполагает, что методологически обоснованные параметры, определяющие «мягкую силу» в рамках структурного подхода, приобретают количественные показатели и подкрепляются качественной экспертной оценкой. На начальном этапе развития и распространения теории исследователи шли по пути, обозначенному Дж. Наем для оценки «мягкого» потенциала: они проводили опросы общественного мнения¹⁷ и анализировали получившиеся результаты. Дальнейшие исследования стали учитывать количественные показатели в совокупности с экспертной оценкой и ситуативно – с результатами опроса общественного мнения. Отечественная попытка¹⁸ составления рейтинга «мягкой силы» стран была осуществлена московским институтом исследования быстро развивающихся рынков «Сколково» совместно с компанией «Ernst & Young».

Сравнение различных измерений «мягкой силы» продемонстрировало значительные различия в положениях стран в рейтингах, что говорит о том, что методология все еще находится в стадии разработки. Положение стран в рейтингах напрямую зависит от выбранных критериев. Оценки могут быть относительно объективны, но могут оказаться результатом ангажированной позиции исследователей. На выбор критериев влияет также естественный показатель – принадлежность исследователя к определенной культуре, из которой следуют его убеждения и ценности.

¹⁷ Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion // The Chicago Council. 2009. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Soft%20Power%202008_full%20report.pdf (дата обращения: 24.04.2014).

¹⁸ Rapid-growth markets soft power index // Moscow School of Management Skolkovo. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. 2012. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (дата обращения: 03.05.2014).

В результате анализа концепта «мягкой силы», а также материалов исследований, подходящих к концепту с точки зрения рассмотренных выше подходов, формулируется структура исследования «мягкой силы» государств. Она отражена в третьем положении, вынесенном на защиту.

В четвертом параграфе «Мягкая сила» как современная властная технология» концепт исследуется с точки зрения технологического подхода, в рамках которого выделяются три основных направления рассмотрения и анализа «мягкой силы»:

- 1) как пассивного притяжения, которое необходимо возвращать;
- 2) как гуманитарно-культурного воздействия;
- 3) как психолого-идеологического воздействия.

Данные измерения встречаются либо по отдельности, либо вместе, либо в различных комбинациях друг с другом.

Понимание «мягкой силы» как *притягательной силы, имеющей пассивную природу, которую, однако, требуется возвращать*, ведет за собой анализ условий и разработку мер, необходимых для обладания такой привлекательностью. Мерами в этом случае будут, с одной стороны, работа над улучшением реальных социально-экономических и иных показателей (увеличение реальной привлекательности), а с другой – донесение до мировой общественности информации об успехах, а также создание привлекательной «обертки». Поэтому в данном случае полезными оказываются все методы и технологии, используемые при формировании имиджа, создания бренда. Ценность такого понимания в том, что из виду не упускается материальная составляющая «мягкой силы», которая чаще всего играет даже большую роль, чем исключительно коммуникативные, имиджевые технологии.

Во втором подходе, при котором «мягкая сила» понимается как *гуманитарно-культурное воздействие*, особое внимание уделяется гуманистическому потенциалу «мягкой силы»¹⁹. «Мягкая сила» чаще всего

¹⁹ Староверова Е.В. Современные технологии власти // дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Казань, 2012.

отождествляется со смесью гуманитарных технологий (культурной, образовательной, политической, идеологической), направленной на достижение некоего блага, консенсуса политических акторов и социальных групп²⁰. Благодаря такому консенсусу возможно решение международных, а также внутривнутриполитических проблем.

Подход, рассматривающий «мягкую силу» как технологию *психолого-идеологического воздействия* является одним из самых распространенных среди отечественных исследователей. В работе доказывается, что в рамках данного подхода понимание «мягкой силы» варьируется от тонких способов изменения представлений (например, лингвистическое конструирование интерпретации реальности с помощью СМИ) до довольно грубых методов, вплоть до пропаганды. От гуманитарно-культурного измерения данное измерение отличается оценкой «мягкой силы» как агрессивно-враждебной технологии либо как технологии, преследующей не гуманистические, а рационально-прагматические цели увеличения влияния.

Выявляется, что одна группа исследователей при изучении «мягкой силы» концентрирует внимание на способности изменять восприятие реальности индивидами благодаря формированию определенных образов, желаний, предпочтений²¹, вовлечению реципиентов в смысловое поле дискурсивных практик²². «Мягкая сила» причисляется к дискурсивным технологиям, обладающим когнитивной мощностью и семиотической привлекательностью²³, представляется способностью влиять на формирование интерпретаций политических вопросов, попадающих в глобальную информационную сферу

²⁰ Капицын В.М. Семиотический аспект soft power: политическая культура и символическая политика // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 146.

²¹ Северская О.И. «Мягкий позитив» и «жесткий негатив» как инструменты информационного воздействия // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 166.

²² Кожемякин Е.А. «Мягкая власть» институциональных дискурсов: коммуникативное измерение // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1 (14). – С. 102.

²³ Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 72.

таким образом, чтобы они отражали интересы отдельного государства или группы государств, или других акторов²⁴.

Другая группа исследователей нередко связывает «мягкую силу» с «жесткими» стратегиями вплоть до информационно-психологических войн и идеологических диверсий. Они указывают на стремление конкурирующих государств проникнуть в идеологическое пространство общества, изменить установки сознания. «Цветные революции» также рассматриваются как результат действия «мягкой силы»²⁵.

В рамках понимания «мягкой силы» как способа психолого-идеологического воздействия исследователи предлагают вспомнить весь арсенал средств влияния на сознание, выработанный в рамках пропагандистской и рекламной практики и теории. Для изменения сознания используются образовательные технологии, научные исследования, культурные продукты, имеющие специальную «начинку», агитация, пропаганда и контрпропаганда.

Обнаруживается, что в отечественных работах «мягкая сила» в основном осмысливается как технология преднамеренного воздействия на сознание, причем указывается, что Россия не овладела данной технологией в полной мере, поэтому чаще всего она воспринимается не как ресурс, а как опасность, исходящая извне²⁶.

Исходя из сформулированного нами определения исследуемого концепта и агрегирования рассмотренного выше технологического подхода, заключим, что «мягкая сила» может выступать стратегической технологией, когда определены цели (политические, экономические), целевая аудитория, длительность (краткосрочная или подразумевающая преэминентность курса) и масштаб действий, основные акторы, выстроен долгосрочный план действий в каждой из следующих сфер:

- 1) повышение собственной привлекательности;

²⁴ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2012.

²⁵ Пономарева Е. Секреты «цветных революций» // Интелрос. 2013. С. 48. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/3-4-2012/04.pdf (дата обращения: 20.12.2014).

²⁶ См. напр. Капицын В. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. – 2009. – №10. – С. 77.

2) содействие установлению правил и институтов, лидерство в международных организациях, установление повестки дня, влияние на интерпретацию политических проблем, организация коалиций, обращение за международной поддержкой;

3) налаживание отношений, создание условий как для наращивания «мягкого» потенциала, так и для достижения определенных целей (общественная дипломатия, в том числе, культурная дипломатия, образовательные программы, работа с соотечественниками, проживающими за рубежом);

4) влияние на аудиторию двумя способами: а) предоставление помощи в различной форме; б) распространение идей и формирование предпочтений (выбор средств – от дискурсивного влияния до пропаганды в зависимости от контекста).

Вторая глава «Ресурсный потенциал и технологии «мягкой силы» государств Восточной Азии» посвящена исследованию «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи. В ней используется сформулированная в первой главе структура изучения «мягкой силы» страны, включающая в себя следующие позиции: историю изучения и особенности дискурса «мягкой силы», наличие национальных научных центров, исследование «мягкой силы» как результата взаимодействий и деятельности в плоскостях культуры и политики, особенности восприятия страны в регионах, ограничения и преграды на пути распространения «мягкого» влияния.

В первом параграфе «Особенности дискурса «мягкой силы» в государствах Восточной Азии» изучаются различные интерпретации «мягкой силы», данные восточноазиатскими исследователями, прослеживается степень востребованности понятия на официальном уровне, выявляются цели стратегии «мягкой силы».

Отмечается, что из трех стран Китай максимально адаптирует теорию «мягкой силы» под свой контекст. Китайские авторы утверждают, что данная стратегия применялась еще в период Весен и Осеней (722 по 481 год до н. э.)²⁷.

²⁷ Sun Sao-Cheng The approaches of China's soft power strategy// WHAMPOA Journal. – 2011. – № 61. – P. 55.

Первая книга, посвященная теории «мягкой силы», была переведена на китайский язык всего через два года после ее издания в США, однако, активное изучение предмета началось после включения «мягкой силы» в основные цели китайского общества в 2007 г.²⁸ После этого произошел резкий рост количества научных статей по данной проблематике, термин прочно закрепился в официальной риторике, началось выделение грантов на стадиальные исследования, сформировались центры изучения «мягкой силы» (университет Фудань, Китайский институт современных международных отношений²⁹, Институт стратегических исследований в Центральной партийной школе³⁰ и др.). Перевес «культурной школы» «мягкой силы» над «политической школой» связан со следованием центральному политическому курсу. Культуроцентричный дискурс «мягкой силы» в Китае (в противовес ценностноцентричному) позволяет избежать столкновения с Западом, создать благоприятные условия для развития страны.

Выделяются следующие особенности дискурса «мягкой силы»: стратегию «мягкой силы», направленную, как правило, на область внешней политики, считают полезной и для внутренних целей; обнаруживаются примеры переноса понятия «мягкой силы» в другие сферы, например, в рыночные отношения (определение «мягкой силы» предприятий)³¹; фиксируется отсутствие четкой границы между «мягкой» и «жесткой» силами.

Японские ученые связывают обращение к «мягкой силе» с принятием в 1947 г. новой конституции, содержащей запрет на использование и угрозу применения силы во внешней политике. Современная популярность концепта связана со статьей американского журналиста Дугласа МакГрея, вышедшей в

²⁸ Wang H. China's image projection and its impact // *Soft power in China public diplomacy*. Palgrave Macmillan. – 2011. – P. 37.

²⁹ Mingjiang L. Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect// *Rajaratnam School of International Studies*. – 2008. – Paper № 165. – P. 4.

³⁰ Mingjiang L. Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect// *Rajaratnam School of International Studies*. – 2008. – Paper № 165. – P. 4.

³¹ Jiechi Y. China's diplomacy since the beginning of reform and opening up // *Ministry of Foreign affairs of the People's Republic of China*. 2013. URL: <http://www.cpfifa.org/en/q/listQuarterlyArticle.do;jsessionid=934AA7A09072032332DE2D79DF222108?quarterlyPageNum=7> (дата обращения: 19.01.2014).

2002 году³². Благодаря ей распространился лозунг «Cool Japan», означающий, что коммерческие тренды, продукты и умение порождать их могут служить политическим и экономическим целям. Лозунг был поддержан японскими учеными и политиками. Японский дискурс «мягкой силы» концентрируется на продвижении популярной культуры в Восточной и Юго-Восточной Азии. Особенности дискурса являются беспокойства об усилении мощи Китая, трактовка «мягкой силы» как цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности, связывание ее с культурной дипломатией, перенос идеи «мягкой силы» на другие сферы (например, бизнес³³).

Южнокорейские исследователи признают, что стране еще предстоит задача увеличения «мягкого потенциала», так как в предыдущие периоды истории она была сосредоточена на наращивании «жесткой силы» (военной – для защиты и экономической – для преодоления нищеты).

Особенностью дискурса «мягкой силы» в Южной Корее является включение в «мягкие» ресурсы коммерческих брендов (корейских чеболей³⁴) и сосредоточение на двух крупных вопросах: 1) следует ли Южной Корее повышать свой статус, становясь более ответственным актором глобального сообщества; 2) какова стратегическая роль Южной Кореи в регионе Северо-Восточной Азии³⁵.

Основная зона интересов, в которой оценивается «мягкая сила», – регион Северо-Восточной Азии, особенно в трехсторонних отношениях Южная Корея – Китай – Япония. Ресурсами «мягкой силы» Южной Кореи признаются успешный опыт быстрой модернизации и демократизации, сильная экономика и, так называемые, «корейские волны» («hallyu»), отражающие популярность корейской культуры. Признается, что Южной Корее не достигнуть глобального лидерства,

³² McGray D. Japan's Gross National Cool // Foreign Policy. 2002. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool (дата обращения: 19.01.2014).

³³ Tsutomu S. Japan's creative industries. Culture as a source of soft power in the industrial sector // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P.128.

³⁴ Cabalza C.B. Is [South] Korea open for soft power diplomacy? // Executive policy Brief. – 2011. – Vol. 1. – № 13. – P. 1.

³⁵ Lee S.J. South Korea's Soft Power Diplomacy // East Asia Institute. 2009. P. 1. URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=1310000000&code=eng_report&idx=8593&page=5 (дата обращения: 22.04.2014).

но она может быть региональным лидером или совместным лидером в таких вопросах, как северокорейский ядерный кризис, строительство многосторонней сети безопасности в Северо-Восточной Азии³⁶.

Цели политики «мягкой силы» разнятся: если для Китая «мягкая сила» должна служить делу строительства социализма, а также успокаивать мировое сообщество, взволнованное быстрым ростом Китая, то для Японии «мягкая сила» является компенсацией ее былого величия и возможностью получения прибыли от продажи культурной продукции, а южнокорейские исследователи, признавая, что их государство может рассчитывать лишь на прочные позиции регионального масштаба, выделяет вполне прагматические торгово-экономические и политические цели.

Отмечается, что наибольшее внимание уделяется исследованию «мягкой силы» Китая. Быстрый экономический рост Китая рождает очарование его будущим. И напротив, есть замечания об отсутствии у Японии и Южной Кореи очарования будущим.

Во втором параграфе «Культурные ресурсы и реализуемые стратегии «мягкой силы» указывается, что во всех трех странах культура признается важнейшим источником «мягкой силы». Отмечается, что по сравнению с Японией и Южной Кореей, китайская традиционная культура все еще занимает высокие позиции с точки зрения производства «мягкой силы», но массовая культура Китая не является успешной по сравнению с другими странами. Популярность традиционной корейской культуры ниже, чем популярность современной поп-культуры. В целом, в Японии и Южной Корее наибольшее значение имеет именно поп-культура, выраженная в феноменах Cool Japan и Korean Wave («корейские волны»).

Культура играет роль не только потенциала «мягкой силы» – она является также деятельностью, которой занимаются в рамках культурной дипломатии (обмены в области культуры, науки и искусства, образовательные программы,

³⁶ Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. 2012. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962?journalCode=rkjd20> (дата обращения: 08.04.2014).

языковые курсы, спортивные события). Сама культурная дипломатия, а также дипломатия помощи, медиа-дипломатия, кибер-дипломатия являются составными частями общественной дипломатии. Основными акторами культурной дипломатии в рассматриваемых странах являются Институт Конфуция, Японский фонд, Фонд Кореи. Акцент культурной дипломатии делается на образовательные программы как один из самых эффективных инструментов «мягкой силы», причем лидером по количеству принятых иностранных студентов является Китай³⁷.

Во всех трех странах признается, что в настоящее время недостаточно классической дипломатии XX в., особую важность приобретает общественная дипломатия как инструмент «мягкой силы». Элементы, составляющие структуру общественной дипломатии, в исследуемых странах схожи. Различие состоит в степени централизации этих структур (наибольшая централизация наблюдается в Китае). Национальными особенностями при развитии общественной дипломатии являются ресурсный акцент и активное использование СМИ в Китае (теория «мягкой силы» дополняется пунктом «влияние массмедиа»), научно-технологическая и императорская дипломатии в Японии, субсидирование производства культурных продуктов в Южной Корее).

В результате анализа стратегий «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи в области культуры выявляется, что культура является лишь потенциальным источником «мягкой силы»: она не приносит больших дивидендов в случае давних обид и острых противоречий, а также требует долгосрочного воздействия. Кроме того, оказывается, что «мягкая сила» гораздо сильнее зависит от «жесткой силы», чем предполагалось изначально. Отмечается, что экономика является одним из важнейших источников привлекательности: это модель развития Японии (модель «летающих гусей», которая способствовала подражанию вплоть до экономического кризиса), успешный опыт модернизации и демократизации Южной Кореи, преодоление этой страной экономической

³⁷ Luguusharav B. Soft power in the context of South Korea // CEU Library. 2011. P. 37. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.etd.ceu.hu/2011/luguusharav_byambakhand.pdf (дата обращения: 28.05.2014).

отсталости, а также беспрецедентный рост Китая, рождающий очарование его будущим, несмотря на отсутствие западных стандартов демократии в данной стране.

В третьем параграфе «Политические ресурсы и практики «мягкой силы» рассматриваются политические ресурсы «мягкой силы» КНР, Японии и Южной Кореи, исследуются инициативы данных государств, направленные на освоение и управление этими ресурсами.

Показывается, что в отношении *Китая* наиболее ярко проявляется ситуативный характер «мягкой силы»: в одних частях мира его политические ценности и внешняя политика привлекательны, а в других – нет. Кроме того, существуют различия в восприятии Китая как государства и Китая как общества³⁸. Сами китайские исследователи склонны подчеркивать относительный характер идеологии и культуры. Китай не презентует свою политическую систему в качестве модели для подражания, чтобы не бросать вызов Западу. Тем не менее, в некоторых частях Азии, Африки и Латинской Америки стала привлекательной идея «Пекинского консенсуса», что дает основание утверждать существование пассивной «мягкой силы» Китая.

Китайские власти активно занимаются управлением политическими ресурсами «мягкой силы». Прикладываются усилия для создания привлекательного образа страны. Кроме того, Китай пытается внести нормативный вклад в международные отношения, он призывает к уважению культурного разнообразия в мировых делах, предоставляет экономическую помощь без политических условий. С конца 2003 г. продвигаются три «большие идеи» («мирного подъема», «мирного развития», «гармоничного мира»). Китай стремится активно участвовать в деятельности международных организаций (выступал за создание ШОС, сотрудничает с АСЕАН) и влиять на установление их повестки дня.

³⁸ Wang J. Introduction: China's search on soft power // Soft power in China: Public Diplomacy through Communication. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 5.

Япония воспринимается сегодня как миролюбивая страна, успешно перенимавшая демократические ценности. Однако, в отличие от США, Япония пока не стала транслятором универсальных ценностей и идеалов, примером для подражания в области демократии и прав человека. Причиной является ее имперское прошлое, дискриминация этнических меньшинств, проблема отсутствия реального политического лидерства.

Наращиванию «мягкой силы» Японии в области политики способствовали принятые после Второй Мировой войны Конституция Мира, Три Антиядерных принципа, политика сдерживания сил самообороны, однопроцентный госбюджет на оборону³⁹. В своей внешней политике эта страна с 1970-х годов делает ставку на отношения с США и АСЕАН. В целях достижения более тесных отношений с государствами АСЕАН, Япония следует принципам «мягкой силы» в течение последних лет. Как и у Китая, в качестве инструментов «мягкой силы» Японии выступают иностранная помощь и народная дипломатия⁴⁰. Отмечается, что «мягкая сила» Японии в регионе стала уменьшаться вместе с исчезновением экономических успехов Японии.

Южная Корея, как и Япония, сумела развить демократическую политическую систему со свободными выборами и мирным переходом власти от одной политической партии к другой. Корея воспринимается сегодня как страна, имеющая среднюю степень силы («middle power»), она и не надеется конкурировать с крупными силами («major powers») – Китаем и Японией с точки зрения «жесткой силы» (то есть военной и экономической сил). В Южной Корее признается, что данной стране следует взять на себя роль арбитра или посредника. Чтобы приобрести «мягкую силу», надо инвестировать в региональные или глобальные общественные блага⁴¹. Отказавшись от идеи

³⁹ Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. 2012. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (дата обращения: 08.04.2014).

⁴⁰ Hsiao H.M., Yang A. Soft power politics in the Asia Pacific: Chinese and Japanese quests for regional leadership // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2009. URL: http://www.japanfocus.org/-a_-yang/3054 (дата обращения: 26.09.2014).

⁴¹ Lee S.J. South Korea's soft power diplomacy // East Asia Institute. 2009. URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=1310000000&code=eng_report&idx=8593&page=5 (дата обращения: 22.04.2014).

глобального лидерства, Южная Корея может быть лидером в таких вопросах, как северокорейский ядерный кризис, строительство многосторонней сети безопасности в Северо-Восточной Азии⁴².

В области управления политическими ресурсами «мягкой силы» Южная Корея также следует принципам дипломатии ответственности, в рамках которой «мягкая сила» рассматривается как привлекательная внешняя политика. Южная Корея расширяет свои международные обязательства, участвуя в основных многонациональных организациях, таких, как АСЕАН, и повышает международную видимость за счет проведения крупных международных мероприятий.

В работе утверждается, что демократическое устройство Японии и Южной Кореи, соблюдение прав человека являются скорее привлекательными, но вес данных государств, по сравнению с Китаем, значительно ниже, что накладывает отпечаток на масштаб «мягкой силы».

В четвертом параграфе «Негативные факторы влияния на стратегии развития «мягкой силы» государств Восточной Азии» автор сосредотачивается на исследовании особенностей регионального восприятия КНР, Японии и Южной Кореи, выделении факторов, отрицательно влияющих на «мягкую силу», и формулировании ключевой характеристики национальной модели «мягкой силы» исследуемых государств.

Анализ данных опросов общественного мнения демонстрирует разницу оценок «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи в исследованиях различного ракурса и масштаба: глобальных либо региональных рейтингах «мягкой силы», исследованиях двусторонних отношений. «Мягкая сила» страны сильно зависит от контекста, поэтому наиболее объективные показатели можно получить при анализе двусторонних отношений. Учет культурных, исторических и других особенностей целевой аудитории повышает эффективность стратегий «мягкой силы».

⁴² Lee G. A Theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (дата обращения: 08.04.2014).

На потенциал и технологии «мягкой силы» Китая негативно влияют внутренние проблемы, уменьшающие степень притягательности данной страны для международной аудитории: нехватка ресурсов, деградация окружающей среды, социальная и экономическая несправедливость и другие; факторы, снижающие привлекательность, в особенности, в западных рейтингах (нарушение прав человека, замалчивание проблем и др.); ограничения в области политического управления (непоследовательность провозглашаемой и проводимой политики, стремление сделать «мягкую силу» полностью подконтрольной правительству, ориентированность на продвижение культуры, а не политики), сложность установления баланса «мягкой» и «жесткой» сил.

На потенциал «мягкой силы» Японии негативно влияют проблемы в области политического руководства, культурные особенности (закрытость общества, недостаток инициативы при проецировании своих ценностей за рубежом, нежелание японских университетов приглашать иностранных преподавателей, кроме тех, которые преподают иностранные языки), историческая специфика (милитаристское прошлое, остаточная подозрительность). Как было сказано в первой главе, экономические успехи страны могут выступать фактором, порождающим ее привлекательность, а значит, и «мягкую силу». Очарование будущим Японии начало таять вместе с уменьшением ее экономических успехов.

Ограничениями развития потенциала и применения стратегий «мягкой силы» Южной Кореи являются исторические особенности (ориентированность на наращивание «жесткой силы» после окончания Корейской войны, обращение к «мягким стратегиям» сравнительно недавно, после модернизации экономики), проблема Северной Кореи, необходимость балансирования между сильными соседями, некоторые технические особенности распространения «мягкой силы» в области культуры.

Анализ возможных ограничений «мягкой силы» позволил выделить общие факторы, негативно влияющие на «мягкую силу» государства:

1) факторы, отрицательно влияющие на степень привлекательности у целевой аудитории, причем целевой аудиторией может выступать как отдельная страна, так и мировое сообщество (например, проблема соблюдения прав человека, коррупция);

2) ограниченный ресурсный потенциал (влияет на масштаб «мягкой силы», возможность практического воплощения стратегий);

3) проблемы политического руководства и курса (непоследовательная внешняя политика, отсутствие внятного либо самостоятельного внешнеполитического курса, наличие исторических споров и трений).

В работе формулируются ключевые характеристики национальной модели «мягкой силы» исследуемых государств. Утверждается, что модель «мягкой силы» КНР можно назвать *равновесной* (наращивание «мягкой силы» так, чтобы в итоге она соответствовала огромному «жесткому» потенциалу Китая), японская модель является *компенсаторной* (увеличение «мягкой силы» должно продемонстрировать миру, что Япония до сих пор является сильным государством), модель «мягкой силы» Южной Кореи является *балансирующей* (страна балансирует между сильными игроками региона, улучшает свою внешнюю безопасность).

В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, обобщаются результаты и формулируются основные выводы.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

а) статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК:

1. Ковалева (Ковба) Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2013. – Т. 13, выпуск 1. – С. 118–132, 1 п.л.

2. Ковалева (Ковба) Д.М., Русакова О.Ф. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Научный журнал «Социум и власть». – 2013. – №3. – С. 15–19, (авторские не разделены); 0,5 п.л.

3. Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 111–118, 0,9 п.л.

б) монографии:

1. Ковба Д.М. Концепт smart power как теоретическое основание политической стратегии // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 44–60, С. 179–252, 4,6 п.л.

в) другие публикации по теме исследования:

1. Ковалева (Ковба) Д.М. Оптимальная политическая стратегия: насилие или мягкая сила? // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом. Материалы XVI Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (15–16 апреля 2013 г.). – Екатеринбург, 2013. – Т. 1. – С. 595–598, 0,2 п.л.

2. Ковалева (Ковба) Д.М. Закрепление концепта «мягкая сила» в отечественной политической науке и его практическое измерение // III Информационная школа молодого ученого: сб. научных трудов. – Екатеринбург, 2013. – С. 184–192, 0,5 п.л.

3. Ковалева (Ковба) Д.М. Дискурс идентичности как инструмент soft power // Научный журнал «Дискурс Пи». – 2013. – №11. – С. 25–31, 0,7 п.л.

4. Ковалева (Ковба) Д.М. Мягкая сила образования как средство установления культурных связей и достижения политических целей // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницынские чтения, 16 – 17 апреля 2014 г.). – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. – С. 33–36, 0,2 п.л.

5. Ковба Д.М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2014. – №1. – С. 136–139, 0,2 п.л.
6. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2015. – № 2. – С. 53–56, 0,2 п.л.
7. Ковба Д.М. Различия в интерпретации концепта «мягкой силы» учеными Запада и Востока // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (Уфа, 6–10 октября 2015 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – Т. II. – С. 330, 0,1 п.л.
8. Ковба Д.М. Политика памяти в контексте теории «мягкой силы» // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 93–96, 0,2 п.л.
9. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2016. – № 2. – С. 14–29, (авторские не разделены); 1 п.л.
10. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Концептуальные аспекты стратегии «мягкой силы» // Сибирский философский журнал. – 2016. – №3.– С. 109–123, (авторские не разделены); 0,8 п.л.